

ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ.

Изъ воспоминаній одного просвѣтителя.

Цивилизующее значеніе Россіи въ исторіи развитія человѣчества всѣми учебниками статистики поставлено на такомъ невыблемомъ основаніи, что самое щекотливое самолюбіе должно успокоиться и сказать себѣ, что далѣе этого идти невозможно. Я узналъ объ этомъ назначеніи очень рано. Тому назадъ давно — я воспитывался въ то время въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній, и какъ сейчасъ помню, что это было на слѣдующее утро послѣ какого-то великолѣпно удавшагося торжественнаго дня — мы слушали первую лекцію статистики. Профессоръ вошелъ на кафедру и слѣдующимъ образомъ началъ свою бесѣду о цивилизующемъ значеніи Россіи. «А замѣтили ли вы, господа, сказалъ онъ, что у насъ въ высокоторжественные дни всегда играетъ ясное солнце на ясномъ и безоблачномъ небѣ? что ежели, по временамъ, погода съ утра и не обѣщаетъ быть хорошею, то къ вечеру она постепенно исправляется, и правило о предоставленіи обывателямъ зажечь иллюминацію никогда не встрѣчаетъ препонъ въ своемъ исполненіи?» Затѣмъ онъ вздохнулъ, сосредоточился на минуту въ самомъ себѣ, и продолжалъ: «стоя на рубежѣ отдаленнаго Запада и не менѣе отдаленнаго Востока, Россія призвана Провидѣніемъ» и т. д. и т. д.

Слова эти тогда же поразили мое впечатлительное воображеніе. Для меня сдѣлалось яснымъ, что задача Россіи двойственна: во первыхъ, установить на прочномъ основаніи принципъ безпрепятственности иллюминацій (политика внутренняя), и во вторыхъ, откуда-то нѣчто брать, и куда-то нѣчто передавать (политика внѣшняя). Если вѣрить московскимъ публицистамъ, то первая задача уже давнымъ давно исчерпана. Несмотря на то, что торжества имѣютъ характеръ праздниковъ переходящихъ, наше солнце на столько дисциплинировано, что за раньше спра-

вляется съ календаремъ, когда ему слѣдуетъ играть. Тогда и играетъ. Но вторая задача, уже во времена моей юности, причиняла мнѣ не мало безпокойствъ. Я слышалъ и понималъ, что тутъ есть какіе-то «плоды», которые слѣдуетъ гдѣ-то принимать и куда-то передавать, но что это за «плоды», въ какихъ лѣсахъ они растутъ и какимъ порядкомъ ихъ передавать, то есть справа ли налѣво, или слѣва направо — этого никакъ не могъ взять себѣ въ толкъ. «Налѣво кругомъ!» раздавалось въ моихъ ушахъ, но и этотъ воинственный вликъ какъ-то не утѣшалъ, а еще пуще раздражалъ меня.

— Иванъ Петровичъ! спрашивалъ я почтеннаго нашего профессора: — зачѣмъ же намъ передавать чужіе плоды, если у насъ есть свои собственные?

— Коли у тебя есть, такъ никто тебѣ не препятствуетъ! отвѣчалъ Иванъ Петровичъ съ тѣмъ равнодушіемъ, которое въ то время одно только и одушевляло нашихъ педагоговъ, и которое, казалось, такъ и говорило: «что ты пристаешь ко мнѣ съ разъясненіями? Я свое дѣло сдѣлалъ: отзвонилъ — и съ колокольни долой!»

— Но откуда брать? Куда передавать? продолжалъ я настаивать.

— Придетъ пора да время — все узнаешь. Скажутъ: «спасибо» — значитъ, потрафилъ; надерутъ вихорь — значитъ, потрафился, надо начинать съизнова. Итакъ, милостивые государи! находясь на рубежѣ отдаленнаго Запада и не менѣе отдаленнаго Востока, Россія самымъ Провидѣніемъ призвана...

Я страдалъ невыносимо. Систематизируя все слышанное мною, я приходилъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что у насъ своихъ плодовъ нѣтъ;
2) что мы должны только передавать, даже не заглядываясь на то, что передаемъ: руками взялъ, руками и отдалъ — вотъ и все.

и 3) что мы рискуемъ при этомъ быть выдранными за вихорь. Результаты неясныя, неудовлетворявшіе даже тогдашнихъ моихъ дѣтскихъ требованій...

Но съ теченіемъ времени, самыя трудныя загадки разгадываются. Не буду подробно рассказывать здѣсь печальную исторію моихъ колебаній; но сознаюсь, что она была обильна всякаго рода разочарованіями. Была, напримѣръ, одна минута, когда, руководствуясь законами аналогіи, и видя, что солнце каждый день встаетъ на востокъ, я заключилъ изъ этого, что восточные плоды суть тѣ самыя, которые наиболѣе пригодны для запада, и что стоитъ только насадить ихъ, чтобы поло-

жить конецъ всѣмъ гніеніямъ, броженіямъ и недоразумѣніямъ. Я ободрился. Нарѣзавши цѣлую рощу цивилизующихъ орудій, и воскликнувъ: а ну-те, господа картофельники! посмотримъ, какъ-то вы тамъ гніете! — я устремился впередъ. И что жъ оказалось? — что мои цивилизующія орудія всѣ сразу заглохли! что, пересаженные съ почвы дѣвственной, но сравнительно тощей, они не только никого не плѣнили, но даже сами не выдержали изобилія туковъ, представляемаго западнымъ гніеніемъ!

Всякій пойметъ, какъ былъ непріятенъ для меня этотъ опытъ; но такъ-какъ я все-таки твердо зналъ, что «стою на рубежѣ», то цивилизаціонное мое назначеніе нимало не затемнилось первою неудачею. Если попытка моя на западъ не принесла желаемыхъ результатовъ, рассуждалъ я самъ съ собою, то это значитъ только, что я не потрафилъ, и что нужно потрафлять гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Меня начала интересовать мысль: не съѣздить ли, для начала, поцивилизовать слегка, напримѣръ, въ Рязанскую или Тамбовскую губерніи? И не задумываясь долго, я набралъ съ десятокъ здоровыхъ, хотя и довольно голодныхъ ребятъ, хватилъ для храбрости очищенной, и крикнувъ: ребята! съ нами Богъ! ринулся...

Могу сказать смѣло: я дѣйствовалъ по всѣмъ правиламъ искусства, то-есть цивилизовалъ все, что попадалось мнѣ по пути. Но и тутъ неудача не перестала меня преслѣдовать. Оказалось, что въ этихъ благодатныхъ краяхъ все уже до такой степени процивилизовано, что мнѣ оставалось только преклониться ницъ передъ такими памятниками, какъ акведуки (пожарные бассейны), пирамиды (каланчи), термы (народныя бани), величественныя зданія волостныхъ и сельскихъ расправъ, вымощенные известковымъ камнемъ улицы и проч. и проч. Однажды, видя какъ на базарной площади безпомощно утопали возы съ крестьянскою жалкою кладью, я невольно воскликнулъ: да чего же имъ, мерзавцамъ, еще нужно? — и долженъ былъ отступить. Очевидно, тутъ сталкивались двѣ цивилизаціи совершенно равноправныя: одна, которую хотѣлъ насадить я съ своими «ребятами», и другая, которую постепенно насаждалъ цѣлый рядъ «ребятъ», начиная отъ знаменитаго своимъ проказамъ Ударъ-Ерыгина, и кончая Колькой Шалопаевымъ.

Признаюсь, эта вторая неудача еще больше озадачила меня, хотя я и скрывалъ мое огорченіе. Но товарищи мои крѣпко приушыли. И немудрено; весь запасъ очищенной былъ вышитъ безъ остатка, а за минуту передъ тѣмъ мы съѣли послѣдній кусокъ колбасы. Въ долгъ никто не вѣрилъ... Куда дѣвать никому ненужную силу? Гдѣ найти секретъ, который давалъ бы возмож-

ность просвѣщать безъ просвѣщенія, палить безъ пороху, сѣчь безъ розогъ? Какое употребленіе сдѣлать изъ рукъ, которыя такъ и цѣпляются, такъ и хватаютъ? А главное: какъ добыть очищенной, не имѣя гроша за душой, спустивши все до послѣдней нитки, не зная никакого ремесла, никакихъ даже словъ, кромѣ: ради стараться! и — съ нами Богъ!? Всякій согласится, что положенія болѣе безвыходнаго, болѣе трагическаго — трудно себѣ представить!

Повременамъ, мною овладѣвали движенія совершенно безсознательныя. Я вскакивалъ съ мѣста, и бѣжалъ впередъ, самъ не зная куда. Будь у меня въ рукахъ штофъ водки, я былъ бы способенъ въ одну минуту процивилизовать насквозь цѣлую палестину! Я бросался и на западъ и внутрь, все въ надеждѣ что-нибудь зацѣпить, что-нибудь ущемить... тщетно! Я чувствовалъ, что во мнѣ сидитъ что-то такое, чему нѣтъ имени... или нѣтъ! Это ужасное имя есть, и называется оно — раззоренье! Но откуда ничѣмъ раздобыться, некуда ничего нести... все вздоръ, все обольщенье и прахъ! Ничего у меня не осталось, кромѣ ужаснаго аппетита!

Жрррратъ!!

И вдругъ я услышалъ слово, которое сразу заставило забиться мое сердце. Я остановился, и притаилъ дыханіе.

— Таш-кентъ! Таш-кентъ! слаще всякой музыки раздавалось въ ушахъ моихъ.

Жрррратъ!!

Сенька Броненосный! Ты, который выдумалъ это слово, ты не понималъ и самъ, какіе новые пути оно открываетъ твоимъ добрымъ товарищамъ! Ты произнесъ его бессознательно, въ порывѣ отчаянія, но услуга, которую оказала твоя бессознательность, останется навсегда незабвенною. Покуда я размышлялъ и соображалъ, товарищи шумѣли и спорили; слово «Ташкентъ» было у всѣхъ на языкѣ.

— Ташкентъ! ораторствовалъ другъ мой, Аркаша Пустолобовъ: — но, поймите же, messieurs, вѣдь это только географическій терминъ, вѣдь это просто пустое мѣсто, въ которомъ не только удобствъ, но даже ѣды никакой, кромѣ баранины, нѣтъ!

— Жрррратъ! какъ-то особенно звонко раздавалось въ ушахъ.

— Однако, mon cher, возражалъ Сеня Броненосный: — баранина... c'est très succulent! on en fait du schischlik... qui n'est pas du tout à mépriser! Я нахожу, что это вещь очень почтенная, а въ нашемъ положеніи даже далеко не лишняя!

— Жрррратъ!

— Позвольте! ну, положимъ — баранина! но общество женщинъ? гдѣ, я васъ спрашиваю, найдемъ мы общество женщинъ?

Но я уже не слушалъ; уста мои шептали: стоа на рубежѣ...

Господи! ужели же, наконецъ, тѣ цѣли, о которыхъ говорилъ учебникъ статистики, будутъ достигнуты!

Я прогорѣлъ, какъ говорится, до тла. На плечахъ у меня была довольно ветхая ополченка (воспоминаніе Севастопольской брани, которой я, впрочемъ, не видалъ, такъ-какъ извѣстіе о мирѣ застало насъ за одинъ переходъ отъ Тулы; впоследствии, эта самая ополченка была свидѣтельницей моихъ усилій по водворенію началъ восточной цивилизаціи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ), на ногахъ — соотвѣтствующіе брюки. Затѣмъ, кромѣ голода и жажды — ничего!

Въ такомъ положеніи, я на послѣдніа деньги взялъ себѣ мѣсто въ вагонѣ третьяго класса, чтобы искать счастья въ Петербургѣ.

Я еще прежде замѣчалъ, что, по какой-то странной случайности, составъ путешественниковъ, наполняющихъ вагоны, почти всегда бываетъ однородный. Такъ, наприимѣръ, бывають вагоны совершенно глушыя, что въ особенности часто случалось вскорѣ послѣ заведенія спальныхъ вагоновъ. Однажды, помѣстившись въ спальномъ вагонѣ второго класса, я былъ лично свидѣтелемъ, какъ одинъ путешественникъ, не успѣвши еще осмотрѣться, сказалъ:

— Ну, теперича намъ здѣсь преотлично! ежели мы теперича даже совсѣмъ раздѣнемся, такъ и тутъ никто ничего намъ сказать не можетъ!

И дѣйствительно, онъ скинулъ съ себя все, даже сапоги, и въ одномъ бѣльѣ началъ ходить взадъ и впередъ по отдѣленіямъ. Эта глупость до того заразила весь вагонъ, что черезъ минуту уже всѣ путешественники были въ одномъ бѣльѣ и радостно приговаривали:

— Ну, теперь намъ здѣсь преотлично! теперь, ежели мы и совсѣмъ раздѣнемся, такъ никто ничего сказать намъ не смѣетъ!

И такимъ образомъ, ѣхали всѣ вплоть до Петербурга, то раздѣваясь, то одѣваясь и выказывая радость неслыханную.

Точно такъ же было и въ настоящемъ случаѣ; вагонъ, въ которомъ я помѣстился, можно было назвать, по преимуществу, ташкентскимъ. Казалось, люди, собравшіеся тутъ, были не отъ міра сего, но принадлежали къ числу выходцевъ какой-то отдаленной эпохи. Большинство состояло изъ отставныхъ

служагъ, уже порядочно обколоченныхъ жизнью, но тамъ и сямъ видѣлось и нѣсколько молодыхъ людей, жертвъ преждевременной страсти къ табаку и водкѣ. Никакимъ другимъ цивилизующимъ орудіемъ они не обладали, кромѣ сухихъ, мускулистыхъ и чрезвычайно цѣпкихъ рукъ, которыми они, по временамъ, какъ будто загребали. На многихъ были надѣты такія же ополченки, какъ и на мнѣ; отъ многихъ отдавало запахомъ овчины и водки. Но всѣ говорили безъ усталы; въ душѣ у всякаго жила надежда. Надо было видѣть, съ какою поспѣшностью проглатывали они на станціяхъ стаканы очищенной, съ какими судорожными движеніями отдирали зубами куски зачерствѣлой колбасы! Казалось, земля горѣла подъ ихъ ногами, и они опасались только одного: какъ бы не упустить времени!

— Да-съ, говоритъ кто-то въ одномъ углу: — это, я вамъ доложу, сторонка! сверху палить, кругомъ песокъ... воды — ни капли! Ну, да вѣдь мы люди привышные!

— Такъ-то такъ, только вотъ на счетъ ѣды... ну, и тово воно какъ оно — и этого тоже нѣту!

— Помилуйте! да какой вамъ ѣды лучше! баранина есть, водка есть... выпилъ рюмку, выпилъ другую, съѣлъ кусокъ...

— То-то, что водка-то тамъ кусается; а хлѣбнаго такъ склизываютъ, и въ заводѣ нѣтъ!

— Такъ что жь! еще лучше — изъ рису ее тамъ дѣлаютъ! Отъ этой, отъ рисовой-то, и голова никогда не болитъ!

Въ другомъ углу:

— Въ этихъ-то обстоятельствахъ, доложу вамъ, я уже не впервые разъ нахожусь...

— Ссс...

— Да-съ, вотъ тоже въ шестьдесятъ-третьемъ году, сижу, знаете, слышу: шумятъ! Ну, думаю, люди нужны! Надѣваю вотъ эту самую дубленку, и прямо къ покойному генералу! Вышелъ... хрипитъ! — Ну? говоритъ. — Такъ и такъ, говорю: — готовъ! — Хорошо, говоритъ, мнѣ люди нужны... Только и словъ у насъ съ нимъ было. Налѣво круг-омъ... Качай! И какую я, сударь, тамъ полечку подцѣпилъ — масло!

— Д-да... а теперь, пожалуй, объ полечкахъ-то надо будетъ забыть! Это такой край, что тутъ не то, чтобы что, а какъ-бы только перехватить что-нибудь!

— Чтò вы! да развѣ вы не слышали, какая у нихъ тамъ баранина...

Въ третьемъ углу:

— Мнѣ бы, знаете, годикъ-другой, — а потомъ, урвалъ свое, и на боковую!

— Чтò вы! чтò вы! да вы не разстанетесь! тамъ, я вамъ доложу, такая баранина...

Въ четвертомъ углу:

— Такъ вы изволите говорить, что тринадцать дѣлъ за собою имѣете?

— Тринадцать разъ, шельма, подъ судъ отдавалъ! двѣнадцать разъ изъ уголовной чистъ выходилъ — ну, на тринадцатомъ скаутился!

— Однако, теперь Богъ милостивъ!

— Теперь, батюшка, наше дѣло вѣрное! завтра къ вечеру приѣдемъ, послѣ-завтра чѣмъ свѣтъ въ канцелярію... отпрапортовалъ... сейчасъ тебѣ въ зубы подорожную, прогоны и прочее... А ужь тамъ-то, на мѣстѣ-то какое житье! баранина, я вамъ скажу...

Въ пятомъ углу:

— Не посчастливилось мнѣ, *mon cher!* говорить одинъ молодой человѣкъ другому (у обоихъ надъ губой едва пробивается пушокъ): — изъ школы выгнали... ну, и рѣшился!

— А я такъ долговъ надѣлалъ; вотъ отецъ и говоритъ: ступай, говоритъ, мерзавецъ, въ Ташкентъ!

— Однако, вашъ родитель нельзя сказать, чтобы былъ очень учтивъ!

— Какое учтивъ! Такими словами ругается, что хоть любому вахмистру... Ну, да, впрочемъ, это все пустяки! а меня вотъ что пугаетъ въ будущемъ: какъ-то тамъ будетъ на счетъ лакомства?!

— Говорятъ, будто ташкентскія принцессы очень недурны...

— Гм... вѣдь мы въ полку-то разбаловались. Вотъ тоже и объ ѣдѣ не совсѣмъ одобрительные слухи ходятъ!

— Однако, я слышалъ, что баранину можно достать отличную...

Въ шестомъ углу:

— Такъ вы и съ супругой туда отправляться изволите?

— Конечно! нельзя же! она у меня баба походная!

Молодые люди прислушиваются, улыбаются и подмигиваютъ другъ другу. Одинъ изъ нихъ шопотомъ говоритъ: ну, вотъ! значить, и на счетъ лакомства сомнѣваться нечего!

— Только тяжеленько имъ будетъ, супругѣ-то вашей! продолжаетъ одинъ изъ прежнихъ голосовъ: — вѣдь тамъ ни съѣсть, ни испить слатенько...

— И! чтò вы! да тамъ, говорятъ, такая баранина...

Въ седьмомъ углу:

— Откровенно вамъ доложу: я ужь маленько отъ медицины-

то и поотсталъ, потому что и выпущенъ-то я почестъ, что при царѣ Горохѣ. Однако, травки нѣкоторыя еще знаю...

— Конечно! конечно! съ нихъ и этого будетъ!

— Народъ простой, непорченный-съ. Опять, сказываютъ, что у нихъ даже простая баранина отъ многихъ недуговъ исцѣляетъ!

Въ восьмомъ углу:

— Проповѣдывать можно! Только вотъ сказываютъ, что они по постамъ баранину лопаютъ — ну, это истребимо съ трудомъ!

Однимъ словомъ, всѣ заканчиваютъ свои рѣчи бараниной, всѣ надѣются на баранину, какъ на каменную гору. Такъ что мой другъ, Сеня Броненосный, слушалъ, слушалъ, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Если эта баранина хоть въ сотую долю такъ вкусна, какъ объ ней говорятъ, то я увѣренъ, что черезъ полгода въ странѣ не останется ни одного барана!

Увы! такова судьба цивилизующаго начала! Оно истребляетъ туземныхъ барановъ и, взявъ того, научаетъ обывателей удовлетворяться духовною пищей! Кто въ выигрышѣ? кто въ проигрышѣ? тѣ ли, которые удѣляютъ пришельцу частицу стада своихъ, или тѣ, которые, въ возмездіе за это, приносятъ съ собой драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ плодовъ земныхъ — просвѣщеніе?

Но здѣсь я долженъ сдѣлать довольно горькое для моего самолюбія признаніе. Я чувствую, что въ жизни моей готовится что-то рѣшительное, а это невольно заставляетъ меня чаще и чаще обращаться къ самому себѣ. Бываютъ минуты, когда откровенная оцѣнка пройденнаго пути становится настоятельнѣйшею потребностью всего человѣческаго существа. По-видимому, одна изъ такихъ минутъ наступаетъ теперь для меня...

Сознаюсь безъ оговорокъ: я не имѣю права быть очень высокого о себѣ мнѣнія. Лучшее изъ качествъ, которыми я обладаю, есть нѣчто въ родѣ сократовскаго: я знаю, что ничего не знаю. Несмотря на свою пезамысловатость, это свойство значительно помогло мнѣ въ жизни, такъ-какъ оно дѣлало изъ меня во всякое время и на всякомъ мѣстѣ лихого исполнителя. Я никогда не изобрѣту пороха (даже если мнѣ формально прикажутъ изобрѣсти—я и тогда какъ-нибудь отшучусь), но, если его изобрѣтутъ другіе—я очень радъ. Палить я тоже готовъ во всякое время, и ежели не встрѣчу слишкомъ серьезныхъ препятствій, то могу выказать храбрость несомнѣнную. Не помню, въ какой именно

изъ шекспировскихъ комедій, герой пьесы задаетъ себѣ вопросъ: что такое невинность? — и весьма резонно отвѣчаетъ: невинность есть пустая бутылка, которую можно наполнить какимъ угодно содержаніемъ. Хотя, съ точки зрѣнія моралистовъ, это сравненіе для меня не совсѣмъ выгодно, но я долженъ сказать правду (разумѣется, по секрету), что оно подходит ко мнѣ довольно близко. Пустая бутылка! — лестнаго, конечно, немного для меня въ этомъ сравненіи! — но для чего жь бы, однакожь, я сталъ отрекаться отъ этого званія? Развѣ міръ не наполненъ сплошь такими же точно пустыми бутылками, какъ и я? и развѣ сущность дѣла можетъ измѣниться отъ того, что нѣкоторые изъ этихъ бутылокъ высокомѣрно называютъ себя «сосудами»?

Я тѣмъ меньше имѣю основаніе конфузиться этого названія, что сдѣлался пустою посудой далеко не произвольно. Тутъ, задолго до меня ужь были цѣлыя поколѣнія пустыхъ посудинъ, которыя, дребезжа и звеня, такъ много о себѣ надребезжали и назвенѣли, что, казалось, и впрямь нѣтъ званія болѣе почетнаго, болѣе счастливаго и спокойнаго, какъ званіе пустой бутылки. Званіе это не только насижено, но и по штатамъ значитса подлежащимъ немедленному замѣщенію, какъ только открывается свободная вакансія. Тутъ нѣтъ мѣста ни для размышленій, ни для колебаній. Вы являетесь въ жизнь, объявляете имя и фамилію. Записать его въ званіе пустой бутылки. — И вы записаны...

Съ моей стороны, уже и то значительный шагъ впередъ, что я начинаю смутно сознавать, что ничто не способно такъ скоро дать трещину, какъ посудина, которую слишкомъ часто то наполняютъ, то опоражниваютъ. Я чувствую, что уже недалекъ моментъ разложенія, тотъ моментъ, когда навсегда долженъ быть поколебленъ авторитетъ балалаекъ, пустыхъ бутылокъ, упраздненныхъ головъ и т. п. Но если я сознаю, что такой результатъ неизбеженъ, это нимало не обязываетъ меня стараться о приближеніи минуты, которая должна превратить бутылки въ черепки. Совсѣмъ напротивъ. Я думаю даже, что еслибъ я дѣйствовалъ въ смыслѣ приближенія этой минуты, то такая дѣятельность была бы противна и здравому смыслу, и чувству самосохраненія. Что говоритъ мнѣ здравый смыслъ? — онъ говоритъ: какъ ты ни бейся, но, кромѣ пустой бутылки, ничего изъ тебя не выйдетъ. Что говоритъ чувство самосохраненія? — оно говоритъ: неужели же погибать изъ-за того только, что ты явился въ свѣтъ пустою посудиною? и явился не произвольно, ни мало не участвуя въ этомъ актѣ ни сознаниемъ, ни волею?... Что остается мнѣ дѣлать послѣ такихъ отвѣтовъ? Измѣниться — я не могу; погибнуть — не имѣю ни малѣйшей

охоты. Остается, стало быть, откровенно стать въ ряду пустыхъ бутылокъ, п этимъ дѣйствіемъ окончательно закрѣпить законность моего присутствія на аренѣ всероссійской цивилизующей дѣятельности.

Какъ бы то ни было, но я живу, а если живу, то стало быть, имѣю и право отстаивать свое существованіе. Но отстаивать его я не могу иначе, какъ продолжая быть той самой пустой бутылкою, какою сдѣлали меня обстоятельства. Иначе, я буду исключень изъ жизни. Покуда порожняя посуда имѣетъ возможность дребезжать и звенѣть, моя обязанность — тоже дребезжать и звенѣть, и, время отъ времени, наполняться той жидкостью, которая наиболѣе подходитъ въ вкусамъ минуты. Какая это жидкость — до этого мнѣ нѣтъ дѣла, ибо я не просто бутылка, а бутылка, относящаяся съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, что ее наполняетъ. Зная, что я ничего не знаю, я обязываюсь чѣмъ-нибудь замѣнить эту пустоту, и замѣняю ее готовностью. Поэтому, я переимчивъ, вертлявъ, дерзокъ на услугу, и ни передъ какой профессіей не задумываюсь. Никто не засталъ меня ни въ какихъ подвигахъ, которые могли бы свидѣтельствовать, что я такое, и это въ совершенствѣ обезпечиваетъ мою свободу. Я публицистъ, метафизикъ, реалистъ, моралистъ, финансистъ, экономистъ, администраторъ. По нуждѣ, я могу быть даже другомъ народа. Вчера существовало крѣпостное право — я былъ крѣпостникомъ; сегодня крѣпостное право отмѣнено — я удивляюсь, какъ можно было дожить до настоящей вождельной минуты, и не задохнуться. Всякая минута застаеъ меня врасплохъ, и всякая же минута находитъ меня готовымъ. Сколь разнообразны вольныя художества въ россійской имперіи, столь же разнообразны и роды моей готовной дѣятельности. Надъ всѣми ими парить одно: моя всегдашняя, непоколебимая готовность слѣдовать указанію всякаго, одареннаго способностью указывать перста, хотя бы этотъ перстъ былъ и запачканъ. Не ужасайтесь этой способности, не клеймите ее именемъ разврата; это дѣйствительно развратъ, но развратъ добросовѣстный (бываетъ же добросовѣстное воровство!), развратъ лишь *до нѣкоторой степени*, точно такъ, какъ и все прочее, что во мнѣ ни есть, все добросовѣстно, и все развратно лишь *до нѣкоторой степени*.

Иногда, мнѣ случается накуралесить серьезно: обрушить какой-нибудь монументъ, передавить при этомъ цѣлую уйму людей. Изъ этого одни заключаютъ, что я имѣю злое сердце и дѣлаю вредъ преднамѣренно, другіе — что я человекъ рѣшительный, дѣйствующій во имя какихъ-то сознанныхъ мною идей. Я вслушиваюсь въ эти толки, и смѣюсь себѣ втихомолку. Ибо

я очень хорошо понимаю, что, въ дѣйствительности, я только веселонравный мужчина, которому хочется удивить вселенную своею стремительностью. Я могу, сколько угодно, бить, давить, неистовствовать, ходить колесомъ—и никто не имѣетъ права вмѣнить мнѣ это ни въ злодѣяніе, ни даже въ проказу. Помилуйте! я самъ ко всѣмъ моимъ дѣяніямъ отношусь совершенно объективно, то-есть оцѣниваю ихъ совсѣмъ не съ точки зрѣнія ихъ сущности, а только съ точки зрѣнія чистоты отдѣлки. Я лечу, стремлюсь, хватаю, ловлю; мало того: я радуюсь, трепещу, страдаю, скрежещу зубами... о, еслибъ знали, что все это не болѣе, какъ угаръ! еслибъ могли видѣть, какъ разрывается послѣ этого угара голова, какъ болѣзненно бьется и сжимается сердце!...

Многіе спрашиваютъ меня: чего жъ я достигъ? Но развѣ на этотъ вопросъ я, съ своей стороны, не могу отвѣчать другимъ вопросомъ: а чего же, милостивые государи, можетъ достигнуть человѣкъ, прогорѣвшій до тла? человѣкъ, который не имѣетъ ни воспоминаній, ни надеждъ, у котораго нѣтъ ничего внутри, кромѣ раззоренія? — Конечно, ничего другаго, кромѣ того, чтобы какъ-нибудь не пропасть, чтобы не быть вконецъ искалеченнымъ, и хотъ изрѣдка да возобновлять въ себѣ вкусъ тѣхъ благъ, которыя *теперь* выбрасываются ему въ видѣ обглоданной кости, но которыя *никогда* составляли фондъ его существованія. Если я достигаю всего этого — я считаю себя вполне удовлетвореннымъ. Воспоминаніе о потерянныхъ благахъ жизни переносится совсѣмъ не такъ легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Оно до послѣдней минуты волнуетъ и раздражаетъ плѣнное воображеніе; оно преслѣдуетъ, жжѣтъ; оно медленно, всечасно отравляетъ. Вино, игра, женщины... и въ промежуткѣ цѣлый океанъ грязи, который необходимо переплыть, чтобы добраться до нихъ! Ужели найдется глупецъ, который предпочтетъ отступить?

Какой грязи? въ этомъ весь вопросъ!

Еслибъ эта грязь пачкала наглядно, осязательно, еслибъ она измѣняла наружность человѣка, уничтожала ея элегантность, дѣйствовала тлетворнымъ образомъ на зрѣніе и обоняніе соеѣдей — тогда такъ! Тогда, конечно, и самый отчаянный человѣкъ задумался бы прежде, чѣмъ окунуться въ нее. Но вѣдь это грязь отвлеченная, метафизическая; грязь, о которой *ses dames* даже понятія никакого не имѣютъ!

Переплывите этотъ грязный океанъ, окунитесь въ него съ

головою, ныряйте, шалите сколько угодно—и вы все-таки выйдете на берегъ, словно изъ душистой ванны! Ни одного брызга! ни одного пятнышка! Мало того: ваши одежды получаютъ даже какой-то особенный, пелишенный пикантности блескъ!

Мнѣ во сто кратъ болѣе досадна моя ветхая ополченская поддѣвка, нежели та незримая одежда пороковъ, которую такъ охотно навязываютъ всѣмъ и каждому особаго рода цѣховые, именующіе себя моралистами. Неприличіе и безконечную ядовитость моей поддѣвки я понимаю сразу. Ея появленіе вноситъ конфузъ въ порядочныя семейства, заставляетъ умолкнуть самыя оживленные разговоры, расширяетъ изумленіемъ глаза; однимъ словомъ, уничтожаетъ веселость, гармонію, движеніе и жизнь. Какъ бы я ни былъ самостоятеленъ, я не могу не сознавать, что мой приходъ производитъ всеобщую панику. Я не могу не сказать себѣ: «да, твое мѣсто не здѣсь, не среди этихъ цвѣтущихъ силою и увѣренностью людей, а тамъ, въ вагонѣ третьяго класса, въ кругу людей надломленныхъ, потухшихъ и полинявшихъ, людей съ завистливыми взорами, людей, торопливо проглатывающихъ очищенную, и раздирающихъ зубами окаменѣлую колбасу!» Въ эти горькія минуты я явственно слышу, какъ внутренности мои колыхутся подъ наплывомъ ненависти — ненависти къ кому? Къ тѣмъ ли, которые меня презираютъ? Нѣтъ, не къ нимъ, ибо они представляютъ тотъ идеаль, къ которому стремятся всѣ мои помыслы, и которому я могу завидовать, но ненавидѣть не могу. Къ кому же? — а именно къ тѣмъ, кого я самъ презираю, къ тѣмъ моимъ собесѣдникамъ по вагону третьяго класса, которые вчера просто-душно сообщали мнѣ о своихъ видахъ на ташкентскую баранину!

Эти ужасные люди своимъ участіемъ, своимъ панибратствомъ каждую минуту уничтожаютъ меня. Они напоминаютъ мнѣ, что я не что иное, какъ *un homme perdu de dettes*, что я такой же проходимецъ, пропойца, прощелыга, какъ они всѣ, что я одинъ изъ тѣхъ любопытныхъ субъектовъ, которые растратили молодость, силу, таланты и состояніе — на что? — на лестное знакомство съ половыми московскихъ трактировъ! Какъ же мнѣ не ненавидѣть ихъ? Какъ не броситься мнѣ въ какой угодно омутъ, лишь бы освободиться изъ плѣна ихъ ужаснаго панибратства!

И я достигну этого! Въ Ташкентѣ ли, или въ другомъ мѣстѣ, но я дойму этихъ людей, пятнающихъ меня своимъ прикосновеніемъ!...

Да; если ужъ заводить рѣчь о какихъ-то метафизическихъ

пятнахъ, незримо лежащихъ на какую-то, не менѣе метафизическую совѣсть, то прежде надлежитъ изобрѣсти средство, которое выгоняло бы эти пятна наружу, и заставляло бы ихъ горѣть на лбу и щекахъ человѣка неизгладимымъ свидѣтельствомъ того праха, которымъ пренебрежено въ немъ все, за исключеніемъ сюртука и штановъ, всегда находящихся въ безукоризненной исправности! А такъ-какъ этого средства, по счастью, не изобрѣтено, то, стало быть...

Но довольно морализировать.

Я зналъ, что главнымъ двигателемъ по части ташкентской цивилизаціи состоитъ нѣкто Пьеръ Накатниковъ, мой старый товарищъ по школѣ. Онъ занимался организаціей арміи цивилизаторовъ; онъ кликалъ кличъ и вербовалъ охочихъ людей; онъ отправлялъ ихъ цѣлыми транспортами къ мѣсту назначенія, распоряжался перевозочными средствами и т. д. и т. д.

Каждого человѣка судьба снабжаетъ какою-нибудь спеціальностію. Однихъ она дѣлаетъ спеціалистами по части юридическихъ вопросовъ, другихъ — спеціалистами по части вопросовъ педагогическихъ, третьихъ (большинство) — спеціалистами по части «очищенной» и т. п. Спеціальность Накатникова заключалась въ распространеніи цивилизаціи. Никто не имѣлъ права съ большимъ основаніемъ сказать: «стоя на рубежѣ», какъ Накатниковъ. Въ немъ это была страсть, до того живая и беспокойная, что онъ ни минуты не могъ посидѣть на мѣстѣ, чтобъ не озаботиться насчетъ того или другаго темнаго уголка, какимъ-нибудь чудомъ ускользнувшаго отъ его цивилизующаго вліянія. Онъ неоднократно уже дѣлывалъ весьма замѣчательные въ этомъ смыслѣ походы, и потому былъ чрезвычайно опытенъ. Мало того, что онъ могъ заранѣе опредѣлить всѣ матеріальныя подробности похода (заготовленіе цивилизующихъ орудій, количество ихъ и т. д.), по инстинктивно угадывалъ, что кому требуется. Разумѣется, всего нужнѣе оказывались разные принципы. Такъ, на примѣръ, направляя стопы свои на западъ, онъ напередъ говорилъ, что первый принципъ, съ которымъ надлежитъ ближе познакомить обывателей — это *le principe du stanovoy russe*. Устремляясь внутрь, онъ знакомилъ невѣждъ съ принципомъ строгости и скорости во взысканіи податей. Теперь, когда дѣло шло объ отдаленномъ востокѣ, онъ, разумѣется, прежде всего задалъ себѣ вопросъ: чего имъ нужно? — и тотчасъ же, съ свойственною ему проникательностью, рѣшилъ, что прежде всего необходимо познакомить ташкентцевъ съ

principe du télégraphe russe. Я это зналъ, и, разумѣется, приготовилъ вѣсколько неллишнихъ соображеній въ этомъ смыслѣ.

Признаюсь, я не безъ волненія переступилъ порогъ канцелярїи, въ которой должна была рѣшиться моя участь. Накатниковъ былъ нѣкогда моимъ другомъ—это правда, но въ то же время я зналъ, что ему небезъизвѣстна была моя цивилизующая дѣятельность въ одной изъ западныхъ губерпій... Это меня смущало, потому что я велъ себя тогда... ахъ, какъ я себя тогда велъ! Къ счастью, я могъ утѣшить себя той мыслью, что современный контингентъ нашихъ цивилизующихъ силъ все тотъ же, который дѣйствовалъ и на западѣ и внутри, и что, слѣдовательно, какъ ни бейся, а обойти насъ ни подъ какимъ видомъ нельзя.

Когда я вышелъ въ приемную, всѣ мои вчерашніе спутники по вагону были уже на лицо. Многие изъ нихъ почистились, всѣ были положительно трезвы. Такія фізіономїи встрѣчаешь только въ приемные дни въ канцелярїяхъ, да въ церквахъ передъ причащеніемъ. Кромѣ ихъ, набралось еще много другого народу, столь же рѣшительнаго и столь же скудно, но чистенько одѣтаго. Пьеръ опрашивалъ каждаго по одиночкѣ, и главное вниманіе обращалъ на спеціальности, могущія служить подспорьемъ въ дѣлѣ цивилизаціи. Въ болъшей части случаевъ онъ встрѣчалъ просителей, какъ старыхъ знакомыхъ, ужъ извѣстныхъ ему по цивилизующей дѣятельности на западѣ и внутри. По движенію его лица я убѣдился, что и мой приходъ не остался имъ незамѣченнымъ.

Странно играетъ судьба людьми. Я зналъ Пьера въ школѣ, и зналъ, что тамъ онъ игралъ довольно незавидную роль. Какъ сейчасъ вижу его: сидитъ передъ складнымъ зеркальцемъ и вѣчно причесываетъ волосы. На губахъ улыбка, и около верхней губы, въ углу, шевелится кончикъ языка; изнутри слышится какое-то неопредѣленное мурлыканье. Чешется-чешется, потомъ нагнется, заглянетъ въ зеркальце, помурлычитъ, чтѣ-то поправитъ, и опять начнетъ мѣрно водить щеткой по головѣ. Никто не зналъ, о чемъ онъ думалъ, и даже думалъ ли о чемъ-нибудь. Въ тѣ минуты, когда онъ бывалъ свободенъ отъ туалета, мы хотя и видали его движущимся, но всегда поневолѣ и всегда съ опредѣленной цѣлью: чтѣ-нибудь взять, исполнить какое-нибудь правило, предписываемое уставомъ заведенія. И всегда при этомъ кончикъ языка прилизывалъ зачинающійся надъ верхнею губою усъ. Казалось, въ немъ происходила какая-то работа, только нельзя сказать, чтобъ очень умная. Въ улыбкѣ его (а онъ улыбался постоянно) видѣлось что-то сар-

доническое, вопросительное; какъ будто онъ самъ себя спрашивалъ: «чему же я, однако, улыбаюсь?» Говорилъ онъ рѣдко, да и то односложными словами, и ежели бы не обязательная сдача уроковъ, которая все-таки требовала пѣкоторой связности рѣчи, едва-ли кто-нибудь изъ насъ имѣлъ бы возможность утверждать, въ состояніи ли онъ сказать рядомъ два слова. Онъ никогда не дрался, никогда ни къ кому не приставалъ; его можно было дразнить и даже щипать — онъ только пожимался и пзрѣдка произносилъ единственное, завѣтное слово: «шутъ!» Когда же случалось, что его раздражали свыше всякой мѣры, то онъ молча вскакивалъ пзъ-за туалета, молча схватывалъ первый попавшійся подъ руку предметъ: книгу, чернильницу, линейку, и молча же швырялъ ея въ обидчика. Такимъ образомъ, молча, улыбаясь и какъ-то машинально слѣдуя за всѣми товарищескими движеніями, прожилъ онъ съ нами шесть лѣтъ. Никто не могъ назвать его своимъ другомъ, но всѣ видѣли въ немъ добраго товарища. Въ курсѣ, онъ вышелъ послѣднимъ.

И вдругъ мы узнаемъ, что нашъ Петя трется около какого-то генерала, и что тотъ употребляетъ его въ качествѣ цивилизатора!...

Но счастье ужасно измѣняетъ человѣка. Въ ту минуту, какъ я пишу эти строки, Накатниковъ уже состоитъ въ чинѣ статскаго генерала, имѣетъ на груди очень почтенное украшеніе... и говорить! Я не могу утверждать, что онъ говоритъ разумно, но онъ говоритъ, и этого уже для меня достаточно. Слова слѣдуютъ другъ за другомъ въ порядкѣ; по временамъ можно даже различить мысленное присутствіе знаковъ препинанія. Чего больше нужно? Пренная бродячая улыбка еще мелькаетъ на губахъ, но теперь она уже имѣетъ характеръ благосклонности; кончикъ языка, по прежнему, безпокойно прилизываетъ искусно заправленные концы усовъ, но теперь это движеніе уже не кажется просто инстинктивнымъ, а выражаетъ какую-то озабоченность. Голова его причесана еще тщательнѣе, безукоризненные бакенбарды обрамляютъ блистающее свѣжестью лицо; но ничто не напоминаетъ ни о долгихъ часахъ туалета, ни о томительныхъ совѣщаніяхъ по поводу какого-нибудь непокорнаго волоска. Напротивъ того, кажется, что Пьеръ исключительно поглощенъ заботами своей миссія, а прическа тутъ такъ-себѣ... пришла сама собою.

Какъ произошла эта метаморфоза—я съ точностью объяснить не могу, но несомнѣнно, что тутъ большую роль играло то случайное положеніе, которое Пьеръ успѣлъ занять. Положенія обязываютъ. Съ расширеніемъ горизонтовъ, явленія самыя обще-

извѣстныя и безспорныя утрачиваютъ свою рѣзкость и даже измѣняютъ свои первоначальныя названія. Глупость начинаетъ называться благодушiемъ, коварство — дипломатiей, мошенничество — искусствомъ жить на свѣтѣ. Въ чинѣ коллежскаго регистратора, Пьеръ былъ глупъ; теперь, въ чинѣ статскаго генерала, онъ сдѣлался благодушень. Глупость неприятна, и ежели не представляетъ положительнаго порока, то, во всякомъ случаѣ, никого не украшаетъ; напротивъ того, благодушiе есть качество очень положительное и попреимуществу украшающее...

Пьеръ обошелъ всѣхъ поочередн; всѣмъ сказалъ слово ободренiя и надежды, и, когда приблизился къ моему сосѣду, то я совершенно явственно услышалъ какъ бы случайно оброненное имъ слово: «шутъ!»

Я понялъ, что это слово было пущено по моему адресу и, признаюсь откровенно, весь вспыхнулъ отъ удовольствiя. Это слово разомъ перенесло меня къ милой односложности нашего школьнаго прошлаго. Мало того: оно заключало въ себѣ отпущенiе всѣхъ моихъ недавнихъ проказъ. Я просвѣтлѣлъ и переминался съ ноги на ногу, въ ожиданiи аудiенци. Я видѣлъ въ немъ уже не товарища и не глупца, незаслуженно занявшаго завидное положенiе, а какое-то высшее существо, которому я обязанъ былъ принести въ жертву все. «До послѣдней капли крови!» «не падя живота!» «не токмо за страхъ, но и за совѣсть!» — вотъ единственныя формулы, которыя безсознательно удерживали мои мозги, подъ влiянiемъ внезапнаго прилива преданности. Наконецъ, просители были удовлетворены, и мы остались вдвоемъ.

— Шутъ! повторилъ онъ, но такъ мило, такъ безконечно-благосклонно, что я могъ только произнести:

— Ради стараться, ваше превосходительство!

— Шутъ!

Онъ съ небесною улыбкой оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и, остановившись на моемъ ополченскомъ казакинѣ, продолжалъ:

— Ба! и старый другъ на плечахъ!

Я былъ побѣжденъ и уничтоженъ. Со слезами на глазахъ, я рассказалъ печальную повѣсть моихъ грѣхопадений; признался ему во всемъ, даже...

— Ваше превосходительство! Я здѣсь передъ вами... какъ передъ отцомъ! казните, но не отнимайте отъ меня вашего расположенiя! заключилъ я прерывающимся отъ волненiя голосомъ.

Такая довѣренность видимо польстила ему; онъ былъ тронутъ, и съ чувствомъ пожалъ мою руку. Прошедшее было забыто; будущее открывалось полное надеждъ и загадочныхъ предпріятій. Онъ объяснилъ мнѣ всю важность предстоящихъ задачъ, и постепенно развивая свои мысли, *de fil en aiguille*, пришелъ, наконецъ, къ тому, что онъ называлъ «*la question du télégraphe russe*». Этотъ вопросъ, по его мнѣнію, долженъ былъ явиться отправнымъ пунктомъ нашей будущей цивилизующей дѣятельности.

— Первоначальный способъ передвиженія, говорилъ онъ: — несомнѣнно представляется намъ въ собственныхъ ногахъ человека. Неоспоримо, что прародители наши двигались именно этимъ способомъ, удовлетворяя своимъ немногочисленнымъ нуждамъ. Тѣмъ же способомъ двигаемся и мы, когда находимся внутри жилищъ нашихъ...

— Въ недавнее время заведены «посыльные», которые тоже... осмѣлился вставить я отъ себя.

— Ну да, мы, наши прародители и «посыльные» — все это пользуется первоначальными способами передвиженія. Но не прерывай меня, *mon cher*, потому что мнѣ нужно высказать мою мысль вполне. Итакъ, я сказалъ, что первоначальный способъ передвиженія заключался въ пѣшковой ходьбѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ человекъ порабощаетъ природу и укрощаетъ звѣрей, способы передвиженія усложняются; на смѣну пѣшковой ходьбы является ѣзда верхомъ на четвероногихъ. Выступаетъ понятіе о собственности, которая, на основаніи правила: *omnia meâ mecum porto*, навьючивается, вмѣстѣ съ всадникомъ, на одно и то же животное. Это уже шагъ впередъ, но, согласись со мной, что шагъ очень ограниченный (я сдѣлалъ знакъ головой и нѣсколько подкатилъ глаза, какъ будто хотѣлъ сказать: *oh, comme je vous comprends, mon general!*). Собственность ничтожна, перевозочныя средства тоже — вотъ ключъ для объясненія существованія народовъ пастушескихъ, кочевыхъ. Они бродятъ, кочуютъ, не могутъ усидѣть на мѣстѣ... *enfin tout s'explique!* Наконецъ, появляется телега — этотъ неудобный и тряскій экипажъ! — но посмотри, какую онъ революцію произведетъ! Своею неудобностью онъ заставитъ обывателя остерегаться излишнихъ передвиженій, и тѣмъ самымъ привяжетъ его къ землѣ. Эта привязанность, съ своей стороны, породитъ понятіе о навозѣ. Видя постепенное накопленіе этого удобрительнаго матеріала, простодушный пастухъ спроситъ себя: что такое навозъ? и въ первый разъ задумается, въ первый разъ осѣнитъ мыслью, что навозъ, какъ и все въ природѣ, существуетъ не безъ цѣли. Онъ

начинаетъ дорожить навозомъ, онъ видитъ въ немъ *ses ré-
pates et ses lares* — и вотъ онъ устраиваетъ около него
свое жилище и, незамѣтно для самого себя, вступаетъ въ
періодъ ослѣдлости (*oh! comme je vous comprends! comme je
vous comprends, mon general!*). Понимаешь? Человѣкъ заводитъ
телегу, и этого простого факта, который чуть-ли не каждый
день проходитъ передъ нашими глазами незамѣченнымъ, совер-
шенно достаточно, чтобъ онъ приобрѣлъ элементарныя понятія
о навозѣ и навсегда оставилъ кочевыя привычки! Но этого
мало: имѣя телегу, онъ полагаетъ основаніе прочной цивили-
заціи (*oh, comme je vous comprends!*). Понимаешь ли ты, какую
радикальную реформу мы можемъ сразу произвести въ бытѣ
этихъ несчастныхъ бродягъ, ничѣмъ не рискуя, ничего даже
съ собою не принося... кромѣ телеги! кромѣ простой русской
телеги! *Aussi, je leur en donnerai... du télégue! Га!*

Онъ кончилъ, а я стоялъ и все слушалъ. Я удивлялся только
тому: какъ это мнѣ самому сто разъ не пришли въ голову мы-
сли столь простыя и естественныя. Каждый день я вижу сотни те-
легъ, а никогда-таки не приходило на мысль, что тутъ-то именно
сидитъ и вся суть цивилизующаго русскаго дѣла. Повидному, и
Пьеръ убѣдился, что я понялъ его намѣренія, потому что пре-
рвалъ свои объясненія и ласково сказалъ мнѣ:

— Ну, на первый разъ довольно! Я сегодня же доложу о
тебѣ нашему генералу, и мы запишемъ тебя въ гвардію. Да,
mon cher, и у насъ, ташкентцевъ, есть свои чернорабочіе и
свои гвардейцы! *Que veux tu!* Первые — это такъ-называемые
les pionniers de la civilisation; они идутъ впередъ, прорубаютъ
просѣки, пускаютъ кровь и такъ далѣе. Всѣ эти люди, кото-
рыхъ ты сейчасъ у меня видѣлъ — все это кровоускатели.
Если они погибаютъ, то, въ общемъ ходѣ дѣла, это почти
остаётся незамѣченнымъ. Этихъ кровоускателей каждую ми-
нуту нарождается такое множество, что они такъ и лѣзутъ изъ
всѣхъ щелей на смѣну другъ другу. Совсѣмъ другое дѣло —
наша цивилизаціонная гвардія. Люди гвардіи не прорубаютъ
сами просѣки, а только указываютъ и дирижируютъ работами.
Имъ не позволяется погибать, потому что имъ ведется по-
дробный счетъ. Сверхъ того, они получаютъ двойныя прогон-
ныя и порціонныя деньги!

Должно быть, впечатлѣніе, произведенное на меня послѣд-
ними словами, было особенно сильно, потому что Накатниковъ
благосклонно улыбнулся и сказалъ:

— Понимаю! соловья баснями не кормятъ! *C'est juste!* Же-
ланіе скорѣй разрѣшить вопросъ «о полученіи» съ твоей сто-

роны совершенно естественно, особливо если принять во внимание, что «старый другъ», котораго ты такъ добросовѣстно хранишь на плечахъ, долженъ какъ можно скорѣе уступить мѣсто новому другу, болѣе приличной наружности. Завтра это дѣло будетъ покончено, а покамѣсть...

Онъ далъ мнѣ не крупную ассигнацію и отпустилъ отъ себя, потому что новыя толпы просителей ожидали его. Я не шель домой, а летѣлъ, точно у меня выросли сзади крылья. По дорогѣ, я забѣжалъ въ Палкинъ трактиръ и разомъ съѣлъ двѣ порціи бифштекса.

Цѣлый день я получалъ деньги.

Когда я пришелъ въ главное казначейство и явился къ тамошнему генералу (на всякомъ мѣстѣ есть свой генералъ), то даже этотъ, повидимому, нечувствительный человѣкъ, изумился разнообразію параграфовъ и статей, которые я предъявилъ сразу! А что всего важнѣе, денегъ потребовалась куча несслыханная, ибо я, въ качествѣ ташкентскаго гвардейца, кромѣ собственныхъ подъемныхъ, порціонныхъ и проч., получалъ еще и другія суммы, потребныя преимущественно на заведеніе цивилизующихъ средствъ...

§ 15. Цивилизующія средства.

Ст. 20. Заготовленіе телегъ.

§ 26. Береговое довольствіе.

Ст. 14. Призрѣніе шлющихся и охочихъ людей. И т. д. И т. д.

Я считалъ деньги съ утра и до пяти часовъ. Сеня Броненосный, который получалъ при этомъ свои тощіе *ординарные* порціоны и прогоны, только облизывался.

Я помню, что въ этотъ день я все помнилъ.

Я помню, что на другой день я отправился на желѣзную дорогу и взялъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ второго класса.

Я помню, что былъ одѣтъ въ *хорошее* платье, что былъ *хорошо* кушанье, что старая ополченка была спрятана въ чемоданъ. Черезъ плечо у меня висѣла дорожная сумка, въ которой хранились казенныя деньги.

Все это я помню...

Но какимъ образомъ я очутился въ Ростовѣ на Дону?! И не въ *хорошемъ* платьѣ, а въ моей старой ополченской поддѣвкѣ?! Гдѣ моя сумка?!

Ужели я приѣхалъ сюда единственно для того, чтобъ познакомиться съ градскимъ головою Байковымъ, котораго я, впрочемъ, не видалъ?!!

Не можетъ быть!

Я помню: я ѣхалъ...

Я ѣхалъ, я ѣхалъ, я ѣхалъ...

Я ѣхалъ.

Вѣроятно, по дорогѣ я засмотрѣлся на какую-нибудь постороннюю губернію и...

Господи!

Тутъ есть какое-то волшебство. Злой волшебникъ превратилъ въ Ташкентъ Рязанскую губернію... Рязанскую или Тульскую?!

Я помню: я пилъ...

Въ Таганрогѣ меня арестовали.

— Откуда? куда? спрашивали меня.

— Я помню: я ѣхалъ...

— Гдѣ казенная сумка?

— Я помню: я пилъ...

Что случилось? гдѣ я нахожусь?

Кругомъ меня ходятъ какія-то тѣни и говорятъ: «стѣя на рубежѣ»... Потомъ приходятъ другія тѣни и говорятъ: «le principe du télégramme russe»...

§ 15. Ст. 20. Заготовленіе телегъ!!

Но вѣдь надобны же средства, mon cher! Телега... конечно, это ни Богъ знаетъ драгоцѣнность какая, но вѣдь надо построить ее! Гдѣ средства? Гдѣ жь средства... коли я ихъ всѣ пропилъ... mon cher!

Н. Щедринъ.